

Вернемся из прошлого в настоящее.

Император издал указ: Ли Цунцин в качестве инспектора отправляется осмотреть провинции Чунань и Эрхе, чтобы проверить уровень жизни людей, а также прислушаться к голосу народа.

Многие чиновники думали, что император, скорее всего, больше не может выносить этого червя и нашел повод, чтобы выгнать его. Тем не менее, несколько высокопоставленных чиновников, видевших в тот день Ли Цунцина в императорском кабинете, придерживались иного мнения. На данный момент они должны были с большим трудом держать себя в руках, не осмеливаясь делиться с другими людьми такой новостью — они почти взрывались от того, что не могли рассказать секрет.

Для двора было достаточно обычным делом посылать инспектора представлять императора, часто не имевшего возможности отправляться в длительные путешествия. Однако этот раз был особенным, так как император приказал Вэй Сяомяо путешествовать вместе со своим представителем.

Вэй Сяомяо с детства был выбран для третьего принца — ныне он личный помощник императора. Все образование и обучение, пройденное им, определенно, отличалось от другой obsługi дворца. Естественно, и его статус отличался. Более того, он рос вместе с императором, можно даже сказать, что они были неразлучными телом и тенью: всегда вместе.

Он не был просто личным слугой императора. Он также занимал высшую должность управляющего Внутреннего дворца и имел третий ранг. Хотя его ранг был ниже, чем у других высокопоставленных чиновников, и он был евнухом, однако, во Внутреннем дворце он обладал властью, а также имел некоторое влияние при императорском дворе. Большинство высших чиновников в какой-то степени его уважали.

Столь важный слуга императора был дан Ли Цунцину, чтобы отправиться вместе с ним — конечно, это приводило к другой теории. Тот, кого действительно послали как императорского инспектора, несомненно, был Вэй Сяомяо. Ли Цунцин же просто бумажный тигр*, которого использовали для видимости.

[П/п: *бумажный тигр имеет только пугающий внешний вид, но не кусается. Другими словами: бесполезный чиновник].

Это действительно так и было. Ли Цунцин взял на себя это дело, чтобы посетить различные живописные места. Все важные дела улаживались Вэй Сяомяо. Ли Цунцин отвечал только за сидение и демонстрацию себя в повозке, куда бы они ни прибывали. В некотором отношении он был довольно безответственным человеком: он только хотел празднично лежать и жить неторопливо, не имея ничего, кроме этих своевольных помыслов.

Император потакал его своенравным желаниям жить так, как ему заблагорассудится в соответствии с его натурой. Но сейчас, позволяя ему покинуть себя так надолго, он не мог избавиться от нежелания расставаться с ним.

На этот раз отъезд имперской инспекции из столицы тоже не был таким, как раньше. До этого инспектор после любезного получения императорского указа выбирал дату отъезда на свое усмотрение. Неожиданно сейчас император лично провожал инспектора из столицы до самой окраины. Прежде чем Ли Цунцин уехал, император даже вошел в повозку чтобы остаться с ним наедине "поговорить по секрету!"

Э-хм, этот "секретный разговор" не запрещен для зрителей до восемнадцати и не яркое шоу, ожидаемое взрослыми читателями. Такие личные дела велись грубо и дико три дня подряд. Не нужно делать "это" в повозке еще раз. Слишком утомительно!

— Действительно не хочу отпускать тебя так далеко, — Сун Ю целовал Ли Цунцина, держа его на руках и испытывая нежелание расставаться.

— Тогда просто не отправляй меня туда, — Ли Цунцин сказал с неодобрением, изнуренно зевая.

Поскольку он собирался уезжать, император, можно сказать, заставил его остаться на ночь в Императорском дворце. Весенние ночи* три раза подряд действительно истощили его. Прошлой ночью Ли Цунцин позволил императору делать все, что тому заблагорассудится, до такой степени, что император не отпускал его до раннего утра. К счастью, из-за подготовки к инспекции Ли Цунцину не пришлось посещать утреннее заседание, так что он мог с трудом заслужить роскошь поспать до позднего утра и встать позже обычного. Ему не нужно было терпеть тягу к Чжоу-гуну в большом зале аудиенции.

[П/п: *весенняя ночь — страстная ночь].

По правде говоря, ему совсем не хотелось ехать туда, где "небо высоко, а император далеко"*. С одной стороны, он должен страдать от тягот изнурительного путешествия, с другой стороны, он вынужден расстаться со своим возлюбленным и находиться на слишком большом расстоянии от него. Несмотря на то, что Ли Цунцин не произносил это вслух, в глубине души он тоже очень не хотел расставания с Сун Ю. В конце концов, они привыкли баловать себя обществом друг друга. Внезапно им приходилось расставаться, и он отправлялся в долгое путешествие — он действительно не мог к этому привыкнуть.

[П/п: *небо высоко, а император далеко" — место, где можно делать все, что угодно, не опасаясь вмешательства высшей власти].

— Есть некоторые вещи, которые ты, несомненно, поймешь, — Сун Ю придавал глубокий смысл своими словами.

— Ваше Величество смущает этого скромного подданного.

— Цунцин, я хочу, чтобы ты твердо запомнил одну вещь.

— Что такое?

— Что бы ни случилось, я всегда буду ждать тебя здесь.

— Я вернусь как можно скорее, — Ли Цунцин был немного смущен и не мог понять его слов, но не спрашивал больше.

— Нет необходимости спешить. Просто возвращайся, когда захочешь, — Сун Ю многозначительно посмотрел на него. — Однако, не позволяй мне ждать слишком долго, наступит день, когда мое терпение неизбежно истощится.

— Ваше Величество... — Ли Цунцин чувствовал еще больше, что тот не такой, как обычно. Каждое его слово, казалось, намекает на что-то. На что он намекает?

— Теперь иди. Будь осторожен на своем пути. Позаботься о себе хорошенько. Не позволяй мне волноваться. Понял?

— М-м, понимаю.

Вместе они сошли с повозки. Ли Цунцин еще раз поклонился императору, сложив руки перед грудью в качестве прощального приветствия. Затем спокойно скрылся из поля зрения монарха. Но несколько высокопоставленных чиновников, сопровождавших императора, увидев их, одурели от своей дикой беспорядочной фантазии. Действительно, они хотели кричать в небеса: "Император и помощник министра обрядов, должно быть, имеют некие ненадлежащие отношения — А-А-А-А-А..."

Группа императорской инспекции путешествовала с небольшим багажом и несколькими сопровождающими: всего группа состояла из четырнадцати человек. Кроме Ли Цунцина и Вэй Сяомяо, были еще два чиновника, четыре телохранителя на лошадях, три слуги и три возницы. Четыре телохранителя охраняли их, выстраиваясь на лошадях в линию спереди, сзади, слева и справа. Остальные пассажиры были разделены на три конные повозки.

Ли Цунцин и Вэй Сяомяо ехали вместе. Пол их повозки был устлан слоем толстого, мягкого ковра, обеспечивая им большой комфорт. Маленький столик рядом был закреплен куском тонкого металла, чтобы магнитный чайный сервиз оставался на столе.

— Сяомяо, вы уже знаете меня, когда это касается отношений других людей, я обычно не люблю вмешиваться. Однако на этот раз я не могу не спросить. Почему Его Величество хочет, чтобы вы сопровождали меня в этой поездке? — внезапно спросил Ли Цунцин безразличным тоном.

— Его Величество желает, чтобы его подданный служил господину Ли.

— Должно быть что-то еще.

Хотя этот господин Ли обычно небрежен и рассеян, были времена, когда он удивлял людей своей острой наблюдательностью. Вэй Сяомяо не мог не потерять дар речи, он не знал, что сказать по поводу седьмого принца...

— Чунань... я никогда не бывал там раньше, интересно, как она выглядит? — Ли Цунцин вяло подпирал подбородок, говоря: — Седьмой принц три года назад умолял, чтобы его отправили в Чунань. В то время многие люди были этим невероятно шокированы. Зачем принцу идти туда, где птицы не испражняются, а куры не откладывают яйца?* Он практически просил изгнания по собственной воле.

[П/п: *птицы не испражняются, а куры не откладывают яйца — очень отдаленное и пустынное место].

Вэй Сяомяо пребывал в молчании.

— Забудьте об этом, в любом случае, я никогда не пойму образ мыслей этих людей из императорской семьи. Будет лучше, если я посплю, — Ли Цунцин снова зевнул, откидываясь всем телом на спинку стула, дабы наверстать упущенное.

Вэй Сяомяо взял шелковую ткань, чтобы укрыть его: он тщательно заботился о самом любимом человеке своего господина. Он вошел во дворец, когда ему исполнилось девять. В десять лет он был избран служить своему нынешнему хозяину — императору. В мгновение ока прошло пятнадцать лет. Он никогда не видел императора настолько влюбленным — так сильно, что он больше не принимал новых наложниц. Он даже реже посещал императорский гарем.

Если бы кто-то мог сказать, у кого было больше понимания относительно отношений между императором и помощником министра обрядов...хаии*... романтических любовных отношений, тогда это должен был быть не кто иной, как Вэй Сяомяо. Он тихий свидетель с самого начала и доныне. Молча он помогал им сохранять этот секрет.

[П/п: *"хаии" — долгий вздох. Автор использует это, чтобы поправить себя на слове "отношения" и изменить на "романтические любовные отношения"].

Если бы вы с любопытством спросили его, что на самом деле стало поворотным моментом, какая точно встреча этих двух людей соединила их вместе с того дня и до сих пор, он сказал бы, что это было примерно шесть лет назад на Весеннем праздничном банкете, где произошла попытка убийства.

Говоря об убийцах, нельзя не сказать, что жизнь императора была полна опасностей при исполнении служебных обязанностей. Во все времена и во всех местах существовали возможности возникновения угрожающих для жизни ситуаций. Потому что независимо от того, что он сделал хорошего или плохого, всегда нашлись бы люди, которые пытались

отравить ядом, сжечь огнем, затоптать лошадьми, подбросить змей, чтобы те закусали до смерти, поднять нож, чтобы зарезать, взять меч, чтобы пронзить... Настойчиво и бесстрашно, не будучи удовлетворенными, если не сделают попыток причинить вред много раз. Неизвестно, какой историк-рецензент сказал эти слова на данную ситуацию: "Император, который никогда не встречался с убийцей, не может считаться настоящим правителем". (Мягкий рык, без запугивания).

Император Дашао каждую весну проводил ежегодную церемонию ко дню, знаменующему начало четвертой солнечной системы*, молясь о том, чтобы небеса одарили год благоприятными погодными условиями для посевов, чтобы все пять зерновых культур имели небывалый урожай. После Весенней церемонии устраивался, что же еще, как не рутинный торжественный банкет.

[П/п: *начало четвертой солнечной системы: обычно около 20/21 марта — 4 апреля].

Весенняя церемония была важным ежегодным праздником, которая позволяла простолюдинам хорошо провести время вместе на веселом, грандиозном банкете. Не только для родственников монарха, родственников чиновников и неофициальных лиц — этот грандиозный банкет также позволял местным простолюдинам, выходцам из страны, принять участие. Простолюдины должны были пройти отбор, они должны были обладать некоторыми чертами, начиная от доброжелательности, честности, сыновнего благочестия, верности и праведности. Люди, которые имели эти качества, рекомендовались местными властями. И даже те, у кого была высокая почетная репутация, имели в своей жизни только один шанс прийти посмотреть на Императорский дворец. Не говоря уже о возможности получить аудиенцию у неприкосновенного лица императора.

Очевидно, были также люди, которые желали потратить много денег, чтобы купить место на церемонии. Ли Цунинь тоже купил это "доброе и благотворительное" место. В приподнятом настроении он взволнованно вошел во дворец для принятия участия ради своего дела, чтобы привлечь больше клиентов. Короче говоря, убийцы, смешавшиеся с простолюдинами, чтобы проникнуть туда, также не были кем-то, кого нельзя было ожидать.

Как уже говорилось, с самого начала Ли Цунцин, который сдал прошлогодний императорский экзамен, был назначен на должность в Министерстве доходов. Должность, от которой бы потемнел цвет свежее-выгравированного кольца только что окончившего обучение чиновника вскоре после того, как он ее занял. Это был отдел во дворце, в котором было много чиновников пятого ранга, как он сам. Если кто-то хотел получить повышение, разбогатеть, то он вынужден был полагаться на собственные силы.

Министерству доходов было поручено управление сельскохозяйственными землями, переписями, налогами, платежами и зарплатами, национальной казной, а также каждой финансовой организацией на территории всей страны. Он был самым оживленным из шести управлений Министерств. Их ежедневная работа включала в себя написание, копирование, расшифровку, счет этого и подсчет того в течение всего дня. Ли Цунцин, который имел вялый характер, был вынужден много работать, пока не стал крайне измученным и не оказался в ужасной форме. А как он хотел уйти с официального поста и вернуться на свою прежнюю работу в качестве лавочника книжного магазина!

Если нет, то он надеялся, что он мог бы перевестись в другой отдел: более расслабленный по сравнению с этим. Например, в Министерство обрядов.

Несмотря на занятость, он все равно должен отдыхать, когда наступает время отдыха. Чиновники могли принять участие в дворцовом банкете, и это была его возможность воспользоваться шансом сделать перерыв от работы. По крайней мере, в тот день ему не нужно было не спать, работая всю ночь сверхурочно. Представьте себе человека, которому нужна лишь чаша вина, чтобы стать безгранично пьяным — мог ли он правильно рассчитать точную сумму налогов, платежей или правильное расходование средств на строительство моста и прокладку дорог?

Ли Цунцин присутствовал на грандиозном Весеннем банкете. Тот, у кого была нулевая терпимость к спиртному, выпил немного вина, потому что, если бы он не выпил, была вероятность, что его сможет поймать и затащить обратно на работу трудоголик — заместитель министра доходов — для сопровождения его в развлечениях с увлекательными бесконечными пластами, слоями и горами документов.

Несколько чаш желтого рисового вина в его желудке заставили обычно любящего поспать Ли Цунцина еще больше отключиться от мира. Однако банкет еще не закончился. Его Величество император все еще наслаждался праздником с простолюдинами где-то далеко. Они были просто скромными чиновниками — конечно, они не могли уйти раньше могущественного императора.

Используя необходимость справить нужду в качестве оправдания, он освободился от постоянно убеждающего его выпить Гэн Байцзо. В поисках уединенного места за изгородью китайских роз он наслаждался спокойным свободным временем. С тех пор, как он вошел работать во дворец, прошло много времени, прежде чем у него появился такой беспечный и небрежный момент, когда ему ничего не нужно делать. Он просто мирно лег на мягкую и холодную траву. Будто покачиваясь в водном течении, он выпал из действительности.

Полумесяц в середине весны. Китайские розы в цвету. Полное цветение Лю Чао Цзинь Фэнь в великолепии разноцветной пышности наполнило воздух роскошными плавающими сочными ароматами.

Обстановка среди цветов и при лунном свете спровоцировала пьяного, с затуманенными глазами Ли Цунцина счастливо и с тщательной осторожностью прочесть отдельные строфы стихотворений. Первую половину стихотворения он прочел из "Хорошие вещи рядом"*: "Фэйянь Синь Чжуань стремился окрасить путь между полем своим сиянием весны. Выдающаяся красота Сиши Цзуй У, выпитая из глубины сердца следом за рукавом". Он продекламировал еще полстиха "Укажи уста": "Сяо Жун Сань Бянь наполнил маленькие изгороди во дворе своим шумным весенним цветом. Среди цветов и вина завидуйте беззаботному и довольному досугом старику." Еще одно стихотворение "Весна в нефритовой башне": "Счастливы пьяный в нефритовой башне некоторое время смотрел на Су Юй Хань Хун. Лениво завернутый в тонкую одежду, чтобы спать в холодную ночь, подушка аромата весенних цветов каждую ночь". (Фэйянь Синь Чжуань, Сиши Цзуй У, Сяо Жун Сань Бянь, Су Юй Хань Хун — все это названия розовых цветов в древние времена в Китае).

[П\р: *Хорошие вещи рядом" — стихотворение, написанное Цинь Гуанем, поэтом династии Северная Сун. Авторы других стихотворений отыскать не удалось].

Небрежно декламируя в разброс стихотворения — каждая строфа произносилась так лениво — он читал, имитируя маленького щенка, играющего на лугу и катающегося туда-сюда. Без какой-либо причины он разразился смехом, забавляясь, и стал чрезвычайно счастливым.

Чрезвычайно пьян!

Следующая сцена была такой, какую обычно описывают в книгах: император неторопливо прогуливался мимо именно тогда, когда тот читал строфы стихотворений со смехом, привлекая внимание Его Величества. Потом, именно в тот момент, когда он резво катался туда-сюда на гроздьях распустившихся цветов, император увидел его. Благодаря этому император отчетливо увидел Ли Цунцина.

Можно сказать, что предопределенная близость действительно замечательная, не так ли?

В прошлом году после имперских экзаменов монарх не обращал на него особого внимания. Но способность императора запоминать мелочи была намного выше, чем у обычных людей. Поэтому у него было примерное впечатление о человеке, которому, казалось бы, не хватало добродетелей, но губы у него были подобны весенним цветам.

Но теперь, через год, он увидел этого мужчину — его раскинувшаяся фигура парила среди ароматов. А его пьяный вид был просто невинен, очаровательно наивен.

"Хорошие вещи рядом"... — неосознанно император слегка приподнял уголки губ. Неожиданно, этот обычный человек обладает утонченной и романтической литературной грацией. Используя свое подвыпившее лирическое настроение, читая нараспев, он неторопливо декламировал эти великолепные стихи. Между словами и строчками имелась волнообразная плавность кокетливого самовыражения.

"Лениво завернутый в тонкую одежду для сна в холодную ночь, подушка ароматов весенних цветов каждую ночь". Какая очаровательная мечтательность, притягивающая бесконечные мысли.

— Ваше Величество, разбудить его? — шепотом спросил Вэй Сяомяо, сопровождавший императора.

— Нет нужды.

Во время банкета повсюду можно заметить шатающихся пьяных людей. В этом нет ничего странного. Император отошел от человека, скрытого цветочной изгородью — пусть этот пьяница погрузится в свой собственный мир.

Ли Цунцин совершенно не знал, что его пьяное состояние замечено императором. Он дремал хмельным сном. Утопая в мире грез, он искал Чжоу-гуна, который разделял с ним большую удачу, чтобы сыграть шахматы*.

[П/п: *Ли Цунцин считает Чжоу-гуна, бога снов, очень счастливым человеком, так как он всегда может находиться в стране сновидений. XD]

Как только он с увлечением сразился в ближнем бою — он собирался разгромить армию Чжоу-гуна до полной победы — Чжоу-гун стал враждебным и неожиданно поднял стол, громко крича: "Убийца! Убийца! Быстро! Схватить убийцу!"

Тц! Действительно, никакого таланта играть в шахматы! К счастью, этот старик — предок мудрецов, которым он должен почтительно поклоняться.

Повернувшись, Ли Цунцин снова задремал, желая вновь организовать шахматную партию.

Это случилось так внезапно: кто-то неожиданно приблизился к нему и наступил на его тело. Он вскрикнул от боли и вдруг вздрогнул. Открывая глаза, он хотел увидеть, кто это был. Он только собирался открыть глаза, но не успел толком присмотреться, как на него навалился какой-то тяжелый предмет.

— Защитите Его Величество!

— Быстро схватить убийцу!

— Держи его! Не позволяйте ему убежать!

Шумный гомон, свирепо вопящий об убийственных намерениях, быстро приближался откуда-то издалека.

Так что на самом деле это было не потому, что Чжоу-гун проиграл в шахматной партии из-за его бесстыдных действий. Это был настоящий убийца. Эффект от вина еще не полностью исчез, Ли Цунцин размышлял в оцепенении. Так сказать, тот, кто наступил на него... УБИЙЦА?!

Вот именно! Убийца!

Убийца, пытаясь перепрыгнуть через цветочную изгородь, наступил на Ли Цунцина и упал, а потеряв равновесие, он сел на его тело.

Без всяких стечений обстоятельств не было бы никаких историй. В этом мире были такие вещи, как наихудшая удача — пока не стало еще хуже. Человек, который шел по дороге, был подхвачен потоком грома и молнии. Бедный Ли Цунцин, лежащий на земле, будучи

придавленный ногами, вдохнул немного воздуха, но дышалось трудно: воздух с трудом, понемногу, проходил сквозь перекрытое отверстие в груди, из-за чего он не мог дышать.

Этому убийце тоже не повезло. Он выбрал неправильный путь к бегству. Один промах может вызвать сожаление. Ранее поскользнувшись и упав, сможет ли он развернуться и убежать? Множество имперских гвардейцев неслись, подобно рою, окружая его по кругу, чтобы преградить ему путь, наряду с неспособным встать на некоторое время Ли Цунцином.

Император увидел убийцу, сбежавшего в сторону лежащего Ли Цунцина и перепрыгнувшего через изгородь из цветов, а вскоре после этого послышался крик боли. Услышав этот болезненный крик, он не мог не испытывать чувство страха в своем сердце. Не в силах скрыть своего беспокойства, он пошел к Ли Цунцину, опасаясь, что убийца зарежет его.

Без особой предусмотрительности, не будучи охраняемым собственной строгой охраной, он подошел ближе. Он не обращал внимания на встревоженных телохранителей, желавших защитить его, преградив ему путь: так как он не мог сдержать беспокойства, он шагнул вперед к убийце и Ли Цунцину.

Терпя боль, Ли Цунцин попытался подняться. Но у него не было шанса встать — длинный сверкающий меч уже был на его шее. Он не мог решить, стоит ли ему занять вертикальное положение? Или было бы лучше, если бы он вернулся, откинувшись на землю? Это пьяная букашка, любящая поспать, в конце концов испугалась до смерти, капли холодного пота размером с горошину потекли по его телу.

— Не подходите сюда! Если вы подойдете, я его убью! — убийца в одежде простого человека выкрикнул свою угрозу. Похоже, он смешался с толпой простолюдинов, вошедших в Императорский дворец для осмотра достопримечательностей.

Ли Цунцин был захвачен в заложники.

Имперская гвардия, окружавшая их, не осмеливалась делать резких движений, и лишь сверкала взглядами.

Император открыл баррикаду, вошел во внутреннюю сторону стены, сделанной из людей, приказав со своей внушительной манерой и глубоким голосом:

— Отпусти его.

— Дайте дорогу! — убийца, взявший Ли Цунцина в заложники, сделал очень медленное перемещение, пытаясь выйти живым.

— Ваши подданные ожидают приказов Вашего Величества, — начальник Имперской гвардии ждал приказа от монарха поднять меч и уничтожить убийцу, не обращая особого внимания на

безопасность заложника.

Император спокойно поднял руку, сигнализируя о запрете нетерпеливых действий. Он не хотел, чтобы Ли Цунцин серьезно пострадал и тем более погиб.

Как говорится в пословице, даже если вы закроете дверь и засядете дома, беда все равно настигнет вас. Ли Цунцин действительно получил спустившееся с небес бедствие, его лицо стало печальным, заикаясь он сказал:

— А...аии... Досточтимый князь, героический господин, старший брат-убийца, я всего лишь ничтожный чиновник низкого ранга. Брать меня в заложники бесполезно.

— ЗАТКНИСЬ! Не забывайся, или я убью тебя! — взревел убийца сердитым голосом.

Острый край ножа прижимался близко к коже. Ли Цунцин, очевидно, ощущал холодный металл, кроме того, он чувствовал, что рука убийцы сильно трясется. Он очень боялся, что эта ужасная дрожь, если только убийца поскользнется из-за нее, свернет ему шею и отправит его в качестве зятя к Королю ада. В этом случае с ним действительно обойдутся несправедливо.

— Досточтимый князь, героический господин, старший брат-убийца, могу я умолять вас не дрожать, пожалуйста, — Ли Цунцин искренне умолял его. Надеясь, что тот проявит сострадание и больше не будет трястись, как сумасшедший. Два пальца Ли Цунцина дрожали, когда он пытался сжать лезвие меча и отодвинуть его немного.

— ЗАТКНИСЬ! Не двигайся! — убийца использовал больше силы, прижимая меч.

Ли Цунцин поспешно убрал свои пальцы, чтобы они не пострадали первыми, он напряг свое тело, не осмеливаясь двигаться. Идея пронеслась в его голове, как вспышка света. Собравшись с духом, он попытался договориться, рассуждая:

— Досточтимый князь, героический господин, старший брат-убийца, я понимаю, что у вас должны быть неудовлетворенные чувства к правительству, вы смело рисковали своей жизнью, чтобы столкнуться с опасностью и вошли в Императорский дворец, думая о том, чтобы поделиться своим мнением с Его Величеством. Все можно было бы обсудить. Не нужно двигать ножом или мечом, ладно?

— Что за дерьмо ты знаешь!

— Досточтимый князь, героический господин, старший брат-убийца, вы не можете так говорить. Поговорка гласит: "сказать, что знаешь, когда знаешь, и сказать, что не знаешь, когда не знаешь". Если вы расскажете, то я узнаю. Если вы не расскажете, конечно, я не узнаю.

он принял совершенно величественную манеру и приказал:

— Отпусти его, я позволю тебе убежать.

— Хм! Думаешь, я поверю словам императора-собаки? Нет! Императора-крысы, правильно!

— Вот именно! Вот именно! Старший брат-убийца, ты наконец-то запомнил, что император-крыса! — Ли Цунцин ответил взволнованно, чуть ли не аплодируя, чтобы подбодрить его.

— А-а-а-а-а-а-а...Закрой свой рот! А-а-а-а-а-а-а... — убийца топал ногами в гневе.

Сердце Ли Цунцина испуганно екнуло, сердце императора тревожно сжалось от страха, что убийца сошел с ума и зарежет его.

Воспользоваться нестабильным душевным состоянием убийцы, чтобы принять немедленные меры предосторожности — острые глаза императора сверкнули идеей. Уловив этот ответственный момент, он решил быстро проинструктировать начальника Имперской гвардии, стоявшего рядом с ним:

— Можете убить преступника, но не навредите заложнику.

Убийца был доведен до отчаяния. Ли Цунцина спешно швырнули к императору.

Император неосознанно развел обе руки, чтобы поймать его.

Все тело Ли Цунцина пошатнулось, а затем упало вперед.

Меч убийцы безжалостно пронзил его лопатку сзади, вызвав обильное кровотечение. Он планировал пронзить императора, собиравшегося поймать Ли Цунцина: использовать свой меч и проткнуть насквозь его тело, чтобы ударить в сердце монарха.

Ли Цунцина толкнули слишком сильно. Вместо того, чтобы упасть на грудь императора, из-за удара, помноженного на его собственные усилия, он оттолкнул открытые руки Его Величества.

Император отступил на два шага от его толчка. В результате кончик меча остановился перед его грудью на очень близком расстоянии, не повредив даже половину волоса.

Все, от начала и до конца, произошло в мгновение ока. Ли Цунцин не мог вынести внезапной острой боли, в его глазах потемнело, он медленно упал.

— ЛИ ЦУНЦИН!

Прежде чем потерять сознание, Ли Цунцин услышал, как всегда спокойный и глубокий голос императора разразился криком. Он громко звал его по имени. Вздых... Кто бы мог подумать, что он вспомнит его имя...

На следующий день, медленно придя в сознание, Ли Цунцин понял, что оказался в каком-то странном месте.

Ох! Ох! Ох! Это были спальные покои императора!

Кхм... если вы сжимаете щеки руками и визжите, ожидая, что все цветы в вашем сердце расцветут — на самом деле, придется сказать: извините, все уважаемые читатели, вы догадались неверно!

Были ли спальные покои императора подходящим местом, куда любой бы мог войти и поспать? Просто скажем, что наш парень Ли играет здесь ведущую роль, но в это время в глазах монарха, он не более, чем раненый. Остаться в спальнях покоях императора лечиться и восстанавливать силы — эта тема может стимулировать заманчивые и эротические мысли. По крайней мере, пока ничего не происходит — конечно, это правильно и ожидаемо.

Ли Цунцин лежал на больничной койке Императорского врачебного крыла. Все его тело было слабым и беспомощным. Первое, что он почувствовал сразу после того, как пришел в сознание — внезапный всплеск жжения с чрезвычайно острой и интенсивной болью в плече.

Больно! Это было действительно больно! За всю свою жизнь он никогда не испытывал такой острой боли!

— ...Так больно...— не выдержав, он испустил слабый стон.

— Ах! Господин Ли очнулся!

— Великий лекарь, господин Ли наконец очнулся, подойдите и проверьте его!

— Быстро, пошлите весть Его Величеству. Доложите, что господин Ли очнулся!

Рядом с ним был нежелательный шум. Все сознание Ли Цунцина сконцентрировалось на острой боли, инстинктивно он некоторое время боролся, чем вызывал еще большее мучение.

Он был человеком, который вел комфортный образ жизни. Ему никогда не приходилось получать такую серьезную рану. Никогда не приходилось терпеть таких сильных мук. Он был избалованный до нежной кожи и светлого лица. Что касается острой боли, его выносливость была намного ниже, чем у любого обычного человека. Он абсолютно не мог вынести такого рода жестоких и интенсивных страданий. Из глаз хлынул поток слез. Он громко плакал и кричал:

— Так больно! Так больно! Так больно!

— Господин Ли, пожалуйста, не двигайтесь беспорядочно! Ваша рана вновь откроется!

— Быстрее прижмите господина Ли! Не позволяй ему вертеться!

— ТАК БОЛЬНО! ТАК БОЛЬНО! ТАК БОЛЬНО! — Ли Цунцин громко плакал, как маленький ребенок. Не в силах сдержать себя, он бесконтрольно лил слезы и громко кричал. Он чувствовал, что он был ранен до смерти!

Все действовали в неразберихе, удерживая его.

Когда император прибыл, перед его глазами предстало зрелище, как толпа людей держит Ли Цунцина за руки и ноги. Доктор усердно развязывал окровавленную перевязочную ткань на кровоточащей ране, неоднократно нанося густую мазь.

Император шагнул в сторону кровати. Обслуживающий персонал, помогающий Великому лекарю, увидев императора, поспешно отпустил беспокойного пациента, который все еще плакал без остановки, и почтительно приветствовал монарха.

— Ваши подданные почтительно приветствует Ваше Величество.

— ТАК БОЛЬНО!!! — как только его руки и ноги освободились, Ли Цунцин снова начал бороться и громко плакать.

— Я знаю, что вам больно, не надо больше молотить руками, иначе будет еще больнее, — император удивил даже себя своей необычной нежной интонацией. Сидя на краю кровати, он слегка прижал другое плечо, которое не было ранено. Своим нежным толчком он прижал Ли Цунцина спиной к кровати, не давая сопротивляться. — Лекарь, быстрее, тщательно обработайте его рану.

— Да, — Великий лекарь приступил без промедления. Он взял чистую перевязочную ткань и замотал рану.

Ли Цунцин был ранен до смерти! Но под нежным давлением императора он больше не стал безрассудно вертеться. Постепенно он успокоился. Только слезы все еще скатывались вниз, как раньше. Их невозможно было остановить. Его громкий плач и крики превратились в рыдания и хныканье. Он был крайне жалок и несчастен. От всего сердца он проклял и обвинил убийцу: почему тот просто не дал ему простой и прямой удар, чтобы убить его, а не заставлять страдать в аду.

Его посредственную внешность изначально нельзя было назвать уродливой. Но он плакал так некрасиво, с сопливым носом. Император не только не чувствовал отвращения, он даже

чувствовал, что такое лицо было немного очаровательным. Он не мог удержаться, чтобы не поднять рукав и не вытереть обильно текущие слезы и сопли с его лица. Он улыбался и слегка насмехался над ним:

— Взрослый мужчина, а плачете таким образом, вы не стыдитесь?

— У-у-у... Единственно, кому тут больно, это не Вам... Конечно, Вы можете так говорить... — с большим трудом он выдавил из себя, чтобы возразить. Его хриплый голос дрожал от боли.

Это был первый раз, когда Ли Цунцин выразил свое непослушное "я" императору. В этот момент его разум был неясен от боли, он совершенно забыл, что разговаривал со своим монархом.

Однако неожиданно его неуважительное, непокорное, невнимательное и непослушное отношение император стерпел со сдержанной улыбкой на лице.

Такая манера, такой способ говорить были близки к интимным отношениям.

После того, как рана была перевязана, Великий лекарь принес миску с лекарством. Осторожно поддерживая Ли Цунцина, он помог ему сесть.

— Господин, поднимитесь и, пожалуйста, выпейте это лекарство.

Ли Цунцин взглянул на мутное, как семь слоев темноты, с насыщенным вонючим запахом смертельно выглядящее лекарство. Он сдвинул брови с отвращением на лице.

— Не хочу! — он повернул лицо в сторону, поджал губы и на мгновение превратился в ребенка.

— Господин Ли, это лекарство не только излечит застой и расслабит застывшие мышцы, но и окажет обезболивающее действие, — Великий лекарь уговаривал его, как ребенка.

Услышав, что это может облегчить боль, Ли Цунцин не мог не дрогнуть. Но за всю свою жизнь он больше всего ненавидел пить лекарства. Лекарь практически просил его умереть!

— Дайте мне, — император взял чашу с лекарством из рук Великого лекаря и держал ее перед собой. Перед глазами шокированной публики он снизошел до того, что держал ложку, чтобы накормить Ли Цунцина лекарством, мягко уговаривая: — Давайте, выпейте это.

Ли Цунцин с детским нравом плотно скривил губы, его лицо выражало вызов.

— Откройте рот, — приказал ему император нежным голосом.

Ли Цунцин снова взглянул на темное и густое лекарство, затем — на мягкое, но не теряющее достоинства выражение лица императора. Он упрямо, как бык, поджал губы еще крепче, проявляя нежелание пить. Несмотря на то, что этот человек обычно проявлял небрежность, ленивость, легкость, услужливость — и все могло быть решено посредством обсуждения — как только он становился упрямым, он не отличался от строптивого быка.

Ох! Ох! Ох! Продолжит ли император кормить его лекарством своим ртом?

Вздых... дорогие читатели, ваши ожидания действительно слишком высоки. У этой пары в это время еще даже не было обмена скудными ресурсами*.

[П\п: *делить скудные ресурсы — еда с той же тарелки/стакана, другими словами: косвенный поцелуй. XD]

На какое-то время они зашли в тупик. В середине весны воздух все еще холодный — горячее лекарство стало прохладным. Монарх передал чашу Великому лекарю.

Глаза Ли Цунцина ярко засияли, он подумал, что ему больше не нужно будет пить лекарство.

Император не хотел исполнять его желание и велел Великому лекарю:

— Принесите новое.

Он не был нетерпелив или зол. Также он не принуждал Ли Цунцина — вместо этого тихо сказал:

— Я просто буду сидеть здесь, ожидая, пока вы не выпьете лекарство. После этого я уйду.

Его слова говорили о том, что он попусту потратит время вместе с ним. Увидим, у кого больше терпения.

Глядя на Ли Цунцина, надувшего щеки и кусающего губы, император почувствовал некоторую неловкость за его испорченное, как будто его обидели, поведение. Покуда он внимательно вглядывался в его лицо, с трудом сдерживаемая толика интереса возрастала, побуждая спросить: твои губы вкусные?

Вскоре после этого снова появилась чаша горячего лекарства.

Император твердо, молча смотрел на Ли Цунцина.

Действительно желает попусту потратить время?

Сначала некоторое время Ли Цунцин упорствовал, ощущая, что прямой взгляд императора заставил кожу его головы онеметь. Более того, боль на плече было тяжело переносить. В конце концов, он поднял белый флаг и сдался. Послушно открыв рот, он заставлял себя проглотить лекарство, лично скормленное ему императором. Его брови нахмурились. Все его лицо исказилось.

Император терпеливо кормил его ложкой за ложкой. Ли Цунцин не мог переносить горечь ложкой за ложкой. Лучше покончить с этим, чем продолжать мучения. Он просто выхватил чашу из рук императора, посмотрел вверх и наполнил полный рот лекарством. "Мама... Эта горечь убивает меня!"

Это слишком внезапное безрассудное движение потянуло порез и вызвало острую боль, заставив Ли Цунцина прикрыть рану рукой и показать страдальческое выражение.

— Не двигайтесь больше, будьте хорошими и выздоравливайте, — император помог ему откинуться на спинку кресла. В очередной раз не в силах устоять перед желанием ласкать его бледное лицо, император большим пальцем небрежно, как нежный ветер, прошелся по окрашенным красным губам.

Цвет его губ, привлекательно свежий и завораживающий, напоминал темно-красный весенний цветок.

После того, как боль немного ослабла, Ли Цунцин уже утомился от страданий, плача и суеты. Его сознание, наконец, стало спокойным и трезвым. С полузакрытыми веками, он вернулся к своему обычному смиренному виду, почтительно сказал:

— Смиренный подданный благодарен за беспокойство Вашего Величества.

"Ха! Наконец-то ты узнал меня, да?" — улыбка императора стала шире. Невольно он вспомнил то время, когда Ли Цунцин был захвачен убийцей в качестве заложника: грустное лицо, которое он сделал в то время, выражало "Почему мне так не повезло?", а не "Помогите! Мне страшно!" Император подумал про себя, что его личность на самом деле очень интересная, в отличие от его обычной, скучной и безразличной внешности на поверхности.

С этого момента император твердо помнил о Ли Цунцине.

Чистое совпадение стало предопределением нечистой связи. Отношения этих двух людей официально соединились красной нитью судьбы.

Много позже, в будущем, всякий раз, когда Ли Цунцин воскрешал это в памяти, он неожиданно вспоминал, что в то время он уже был буквально прочно охвачен императором. Всякий раз, когда он проявлял упрямство, император всегда находил способы заставить его послушно сдаться.

Так называемое: "есть нечто большее над великим"* — исходило ли это высказывание из такого рода ситуации?

[П/п: *есть нечто более великое над великим — у всего есть свое превосходство. В этом случае упорство Ли Цунцина все еще уступает терпению Сун Ю].

А затем — такого рода разговоры стали неожиданностью — Ли Цунцин после этого события узнал еще одну правду, из-за которой потерял дар речи.

Когда он был схвачен убийцей, оказавшись в ситуации жизни и смерти, глава его семьи Ли Цунинь не только не бросился на помощь, но и с сердцем волка и легкими собаки* даже открыл доску для азартных игр: убийца будет убит — Ли Цунцин спасен; убийца успешно сбежит — Ли Цунцин положит свою жизнь за свою страну; и убийца, и Ли Цунцин будут убиты. Ставки были один к трем.

[П/п: *сердце волка и легкие собаки — чрезвычайно бессердечно и неблагодарно].

Помимо того, что он открыто создал игровую доску в Императорском дворце, он также использовал жизнь своего младшего брата, чтобы загрести грязные деньги и вернуть потраченные средства (на взятку). После этого события он даже сказал Ли Цунцину:

— К счастью, у нашей семьи имеется похоронный и погребальный бизнес: в случае, если бы ты был достаточно несчастлив и умер раньше, гроб можно было бы позволить по хорошей цене. Кто знает, может быть, цена могильного камня также могла бы быть уменьшена до половины.

— Почему бы тебе просто не завернуть меня в простую травяную подстилку, а затем небрежно выкопав яму, похоронить? — вяло ответил ему Ли Цунцин.

— Вот и нет! Если я сделаю это, то мне будет трудно рассказать людям, что я не взял слишком много из выплаты платежа*, — искренне ответил ему Ли Цунинь, притворяясь серьезным.

[П\п: *выплата платежа - выплата компенсации семье покойного].

Хотя Ли Цунцин понимал, что брат действительно верил в него, верил, что он определенно будет спасен, и без всякой совести представил это как простую черную шутку, у него все еще было мрачное выражение лица. С таким старшим братом, что может сказать младший брат?

Что касается убийцы, причиной его намерения убить императора послужило ни что иное, как борьба за власть с врагом из другого государства. Чтобы подвести итог всему этому, такое деяние может быть расценено как бесполезный акт? С этого момента давайте нажмем на кнопку и больше не будем говорить.